Михаилу Александровичу Шолохову — 75 лет

ВСЕГДА С НАРОДОМ

ТИХИЙ ДОН... Тот, кто вырос в этом степном лазоревом краю, кто с детства слышал многоголосые, протяжные, как сама степь, казачьи песни, тот знал, что Тихим Доном именуется не только родная неторопливая река, но и вся земля, по которой сделал он первые в жизни шаги.

Но вот немногим более полувека назад родилась знаменитая книга с тем же поэтическим названием «Тихий Дон», а вскоре и не менее знаменитая «Поднятая целина». И как же глубоко вошли они в сердце тех, для кого, подобно донцам, родимой стала степь под низким донским небом, кто, читая Шолохова, видел, как парят беркуты над курганами, в мудром молчании берегущими зарытую казачью славу, слышал, как в конце января, овеянные первой оттепелью, хорошо пахнут вишневые сады!.. Сила «Тихого Дона», «Поднятой целины» и других произведений нашего великого земляка преодолела все границы. Понятны, близки и любимы они миллионами и миллионами людей.

И не только у нас в Советской стране, но и на всей планете. На редкость восторженно встречали нас в социалистических странах, узнав о том, что мы — земляки Шолохова и приехали с родины «Тихого Дона». А сколько теплых слов о «Тихом Доне» и его авторе довелось услышать от докеров Копенгагена и Гамбурга, от наших друзей во Франции!

В КАНУН и в начале нашего века о безотрадной жизни донской голытьбы миру впервые поведали писатели - земляки: сын казака Нижне-Курмоярской станицы, один из основоположников советской литературы Александр Серафимович Серафимович, да сын безземельного хлебороба из-под Миллерово, знаменитый драматург Константин Андреевич Тренев.

В те времена, когда появились их рассказы и повести, в хуторе Кружилинском родился будущий писатель, талант которого восхитил Серафимовича, сравнившего его с молодым орленком, у которого вдруг раскрылись крылья настоящего орла, и Тренева, признававшегося, что он гордится быть земляком такого большого художника слова.

Не легок, очень не легок был путь создателя романа-эпоса, писателя, подарившего миру книгу, которая по праву заняла свое достойное место в ряду произведений русской и мировой классики.

В эти дни, когда так широко отмечается 75-летие Михаила Александровича, мне вспоминается один очень далекий солнечный день на берегу Северского Донца, где снимался фильм по первой книге «Тихого Дона». Живописный Донец в том фильме, да и десятилетия спустя, в многосерийной цветной картине режиссера С. А. Герасимова, играл роль своего батюшки Дона, а хутор Дичинский предстал в роли хутора Татарского.

К радости постановщиков и болельщиков, на съемки приехал автор романа. К хутору Дичинскому надо было добираться по воде, и мы, подростки, всеми правдами и неправдами чуть свет устроились на катере и с замиранием сердца ждали появления «живого писателя».

И каково же было наше возмущение, когда двое неизвестных молодых людей, прыгнув на борт катера, сказали мотористу, чтобы он трогал. Мы кричали, доказывали, что отчаливать нельзя, пока не придет сам Шолохов, а незваные пассажиры в ответ громко смеялись.

Ну разве легко было, впервые увидев, узнать в одном из них писателя, чей «Тихий Дон» уже основательно овладел и нашими умами, и нашими мальчишескими сердцами!

Ничем не выделяясь среди пассажиров катера, он любовался плывущими навстречу зелеными берегами Северского Донца, так похожего в тех местах на живописный Дон под станицей Вешенской.

Но не об этом хотел сказать я в первую очередь. На всю жизнь запомнилось главное — разговор Шолохова с режиссером Преображенской и другими участниками фильма. Мы ловили каждое его слово. В памяти, естественно, не сохранились подробности той живой беседы, зато крепко хранятся мысли писателя о высоком предназначении советской литературы и искусства. Речь шла, видимо, об основном в фильме, о том, чтобы он не потонул в «увлекательных частностях». Смысл же суждений сводился к необходимости твердо и непреклонно блюсти партийность в творчестве, помнить о колоссальной ответственности перед народом, которую должен ощущать каждый литератор, каждый деятель искусства.

Сколько бы раз после этого ни встречался с Михаилом Александровичем или ни слышал его, сколько бы ни перечитывал «Тихий Дон» и все книги, им написанные, всегда вспоминается услышанное на берегу Донца.

Он неизменен в своей верности ленинскому учению о литературе, принципам партийности, народности, в служении делу Ленина — по зову своего пламенного сердца, принадлежащего партии.

Через всю жизнь проносит он горячую и неизменную любовь к Родине. Любовь эту он выразил и в «Тихом Доне», и во всем своем творчестве. Как собственную свою высокую мысль читает советский человек у Шолохова: «Милая, светлая Родина! Вся наша безграничная сыновья любовь — тебе, все наши помыслы — с тобой!».

ПОНИМАНИЕ высокой ответственности писателя, роли и значения советской литературы заставило его, приступая к созданию «Тихого Дона», не только использовать свидетельства живых участников тех событий, свою особую, шолоховскую наблюдательность, но и стать тончайшим научным исследователем. Следы этих исследований сохранились в книгах, в пожелтевших номерах газет и в редчайших архивных и музейных материалах Новочеркасска, Ростова, Москвы.

Но особенно ощутимы следы, а вернее — приметы «Тихого Дона» и его персонажей, в станицах и хуторах Верхнего Дона, который недаром именуется в народе шолоховским краем. Трудно найти в этом краю станицу или хутор, степную речку или поросший полынком да чебрецом курган, о котором не упоминалось бы в «Тихом Доне» и других шолоховских произведениях.

Известно, что Донщина, при всей идентичности казачьего быта и нравов обитателей станиц и хуторов, все же далеко не однородна. По говору, например, нетрудно отличить казаков с берегов Нижнего Дона, Донца, Медведицы, верхнего Хопра от казаков верхнедонских станиц, чей язык так ярко отражен в «Тихом Доне». И внешний облик станиц, казачьих куреней далеко не одинаков.

Мне довелось изрядно исколесить донскую землю, жить в ряде ее зон, собирать материал для своих книг, и это помогло убедиться, что в «Тихом Доне», как и в «Поднятой целине», ранних рассказах, отражен именно Верхний Дон с его неповторимой природой, с его людьми, их обликом и говором.

Приходится лишь восхищаться поучительными примерами досконального проникновения автора в глубину материала для своих произведений. И это, в сочетании с редким талантом художника, — одна из причин бессмертия «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

ВЕРНЫЙ принципам народности литературы, он навсегда прописал себя в станице Вешенской, в родном краю лазоревых степей, среди народа, среди написанных и еще не написанных героев, которых он видит в движении, в тех изменениях, что произошли с того года, которым начинается эпопея «Тихого Дона», когда еще безмятежно жила семья Мелеховых, чей двор стоял на самом краю хутора, и под восьмисаженным спуском к Дону молодой Григорий впервые встретился с Аксиньей.

Казаки - колхозники из «Поднятой целины» уже не похожи на казаков из «Тихого Дона»; еще резче различие казаков из «Поднятой целины» и сегодняшних колхозников, рабочих совхозов.

В одной из бесед с театральными работниками, помнится, Михаил Александрович привел пример изменений повадок казака-хлебопашца. С появлением в станицах и хуторах машин, тракторов, сменивших рабочих лошадей и медлительных волов, иными стали и привычки сельских тружеников. Теперь в движении они более энергичны, изменилась даже походка, стала быстрее. Но Шолохов имел в виду не только и не столько эти перемены, сколько неузнаваемые изменения уклада жизни станичников и облика родной земли, станиц и хуторов.

Незачем сегодня Аксинье идти с коромыслами по воду к берегу, усыпанному «перламутровой россыпью ракушек» и «нацелованной волной галькой», потому, что в том же недалеком от Вешенской хуторе Калининском — прообразе хутора Татарского, как и во многих хуторах, не первый год действует водопровод. Да и хуторяне нынче чаще мчатся на собственных машинах и мотоциклах, чем на гнедых норовистых конях. А на том кургане, откуда Прокофий Мелехов со своей женой-турчанкой смотрел, как вянут зори, высится теперь телевизионная башня.

Расцвела родина «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Славен труд наследников Ивана Алексеевича Котлярова, Семена Давыдова, Макара Нагульнова, Кондрата Майданникова.

Шолохов живет жизнью этих сегодняшних героев. Правду жизни познает не из чужих уст. Словом и примером своим зовет он творческих деятелей быть всегда с народом, правдиво изображать его. Относится это к представителям всех жанров.

ИЗВЕСТНО, что в самом начале 20-х годов станичный драмкружок в Каргинской одну за другой ставил новые современные пьесы неизвестного автора. Лишь много позднее стало известно, что писал эти пьесы и стеснялся назваться автором драмкружковец Михаил Шолохов.

В наши дни со сцен театров страны не сходят и идут с громадным успехом спектакли по инсценировкам шолоховских произведений. К слову сказать, Михаил Александрович не весьма благосклонно высказался по поводу инсценирования и экранизации романов вообще, считая, что литературные произведения, за немногим исключением, проигрывают от этого. И хотя, став писателем, пьес он не пишет, но любовь к театральному искусству сохранил, и высказанные им мысли о театре и драматургии очень и очень поучительны.

Нетерпимость к любой фальши в большом и малом, высокая ответственность писателя и всех работников искусства — к этому зовет Михаил Александрович и словом, и личным примером! Он призывает к созданию произведений, эффективно помогающих партии в коммунистическом воспитании советских людей.

«Я за то, — говорит Шолохов, — чтобы у писателя клокотала горячая кровь, когда он пишет, за то, чтобы лицо его белело от сдерживаемой ненависти к врагу, когда он пишет о нем, и чтобы писатель смеялся и плакал вместе с героем, которого он любит и который ему дорог...»

Всякий раз, когда слушаешь Шолохова, читаешь и перечитываешь «Тихий Дон» и все его творчество, думается о большом и славном пути, пройденном советской литературой и ее правофланговым. И отчетливо вспоминаются Северский Донец, совсем молодой Шолохов — автор первой книги «Тихого Дона», его убежденные рассуждения о назначении советской литературы, его внимательный взгляд на кудрявые берега Донца, так похожего на его любимый Дон под станицей Вешенской!.

Александр СУИЧМЕЗОВ.

В областном музее краеведения открыта экспозиция, посвященная 75-летию Михаила Александровича Шолохова. Она вызвала у ростовчан большой интерес.

На снимке: посетители осматривают юбилейную экспозицию.

Фото Ю. Беловолова.

ДОРОГОЙ И БЛИЗКИЙ

Творчество Михаила Александровича Шолохова находит горячий отклик в сердцах миллионов людей, для которых он стал добрым советчиком, близким другом, мудрым собеседником. Об этом в редакцию пишут многие ростовчане. Ниже — строки из писем наших читателей.

ЭТО ВОЛНУЕТ ВСЕГДА

Творчество Шолохова проходят в 10-м классе. Но в том-то и дело, что просто «пройти» Шолохова нельзя. Потому что его произведения, судьбы его героев затрагивают самые глубокие, самые сокровенные струны души. Особенно у нас, земляков писателя. Ведь так близки, так хорошо знакомы каждому наши лазоревые степи, их седое ковыльное одеяние, тяжелое колыхание пшеничных полей, всплески Дона, необыкновенной красоты зори. Все это с удивительным мастерством отражено в произведениях Михаила Александровича Шолохова. И, кроме того, его рассказы, повести, романы — это художественная история, достоверная, правдивая, полная история становления Советской власти на донской земле.

Вот почему я волнуюсь каждый раз, когда готовлюсь к урокам, темой которых является творчество Шолохова. Мне хочется, чтобы мои ученики так же, как и я, ощутили (не узнали, а именно ощутили) кровную связь писателя с нашим краем, его искреннюю взволнованность и заинтересованность судьбой земляков. И еще они должны увидеть в Шолохове не просто художника, но коммуниста, верного ленинца, беспредельно преданного делу партии. Уроки Шолохова очень важны, нужны, просто необходимы каждому растущему человеку. Без них беднее будет его душа, скуднее чувства. Мне кажется, встреча с миром Шолохова — это одно из важнейших условий формирования коммунистического мировоззрения наших учеников.

Л. ШУМЕЕВА.
Герой Социалистического Труда, директор школы № 1.

□ □

НАСТОЛЬНЫЕ КНИГИ

Нынешние дни советской литературы на Дону посвящены 75-летию Михаила Александровича Шолохова. Юбилейные торжества, которые проходят сейчас, выражают сердечную любовь и глубокую признательность советских людей художнику, творчество которого является высочайшим образцом служения народу.

Книги Михаила Александровича, одухотворенные высокими коммунистическими идеалами,—это подлинная энциклопедия жизни народа в поворотные моменты его революционной истории. Они были, есть и будут настольными книгами миллионов людей.

И. ПИСКАРЕВ.
Депутат областного Совета народных депутатов, кавалер ордена Трудовой Славы, слесарь подшипникового завода № 10.

□ □

МУДРОЕ И ДОБРОЕ НАПУТСТВИЕ

Урок литературы в нашем 10-м «Б» классе. Тема урока — «Мое восприятие Шолохова». Ответы ребят:

— Роман Шолохова «Тихий Дон» — бессмертное произведение, его читают и будут читать миллионы и миллионы людей, он зовет и будет звать на подвиг, на труд...

— Произведения Шолохова учат жить. Они помогли мне лучше понять прошлое нашей страны, родного донского края, серьезней задуматься о будущем, о своем месте в жизни...

— Мне очень много дало соприкосновение с миром Шолохова. Я поняла, что жить по принципу «моя хата с краю» нельзя...

— Потрясен до глубины души «Судьбой человека». Андрей Соколов — мой жизненный идеал...

Я слушаю ребят, и мне радостно, что они стали взрослее, серьезнее.

Сегодня у нас — последний школьный звонок. Мы уходим в Большую жизнь. Нам строить светлое будущее, искать, бороться, любить... И книги Шолохова — как мудрое и доброе напутствие.

В. МИХАЙЛИЧЕНКО.
Выпускница школы № 91.

● *Шолохов и театр*

«ПЕРЕДАТЬ ДЫХАНИЕ ЗЕМЛИ...»

Пять лет назад Михаил Александрович Шолохов, выступая по Центральному телевидению в передаче, приуроченной к его 70-летию, говорил: «Надо сказать, что я не театрал. Очевидно, поэтому единственный раз в жизни размахнулся написать пьесу, да и то не написал. Хотя покойный В. И. Немирович-Данченко еще до войны довольно усердно уговаривал меня: «Что вам стоит, при вашем владении диалогом, пьесу написать». Я же нет — я не Чехов».

Да, у писателя Шолохова в его творческом багаже нет пьес: он никогда не изменял своей любимой прозе. Но спектакли, созданные в 30—70-х годах на основе инсценировок его романов и рассказов, стали важнейшими, этапными вехами становления советского театрального искусства. Только «Поднятую целину» ставили А. Лобанов и Р. Симонов, Б. Равенских и Г. Товстоногов.

На Дону — родной земле писателя — всегда с особой любовью относились к сценической судьбе «Поднятой целины». Постановкой этого спектакля в конце 1936 года открылся Вешенский театр колхозной казачьей молодежи.

Несколько раньше «Поднятая целина» была поставлена на сцене Ростовского театра рабочей молодежи. Актеры Петр Лобода и Вильям Шатуновский играли в том спектакле далеко не главные роли. Но прошло более четверти века, и ветераны ростовской сцены стали украшением спектакля «Поднятая целина» в театре имени М. Горького. Дед Щукарь Петра Григорьевича Лободы и Устин Рыкалин Вильяма Зиновьевича Шатуновского — незабываемы.

Автором инсценировки «Поднятой целины», созданной по второй части романа, был московский драматург П. Демин. Шолохов, ознакомившись с его работой, 7 апреля 1963 года написал на титульном листе: «Согласен» — и предоставил право первой постановки Ростовскому драматическому театру. Режиссер Э. Бейбутов приступил к репетициям, с огромным увлечением работали все актеры, а впереди их ждала встреча с Шолоховым: писатель, приехав из станицы Вешенской в Ростов, выкроил время для встречи с постановочной группой «Поднятой целины».

Михаил Александрович говорил (цитирую по конспектным записям, сделанным Э. Бейбутовым и драматургом А. Суичмезовым):

«Я понимаю Ростовский драматический театр. У нас жалуются на мелкотемье, бестемье в драматургии, а ведь без большой партийной, народной темы театр просто не может существовать, не должен... Я боюсь, страшно боюсь на сцене всякой имитации под жизнь, представленчества, «лицедейства», даже если в голосе актера проскользит фальшь, и тогда нарушается ощущение правды жизни...

...Что я прошу? Я прошу передать дыхание земли, ее аромат, как и дыхание романа... Стоит ли ставить спектакль? Да, стоит. Но чтобы это был спектакль большой, достойный всесоюзной сцены».

Эти слова писателя оказались пророческими: прошло несколько месяцев, и «Поднятую целину» ростовчан увидели москвичи на сцене Кремлевского театра. А осенью того же 1963 года, вернувшись из Москвы, актеры театра имени М. Горького отправились с этим спектаклем в «литературную столицу» нашей страны — в Вешенскую. Конечно, зрительный зал районного Дома культуры не мог вместить всех желающих вновь встретиться с Давыдовым, Нагульновым и дедом Щукарем, и обиды были неизбежны. Эта же история повторилась пять лет назад, когда в Вешенской была показана новая советская оперетта «Бабий бунт», родившаяся в стенах Ростовского театра музыкальной комедии и поставленная некоторое время спустя в тридцати театрах страны. Спектакль режиссера Кирилла Васильева, обязанный своим появлением на свет шолоховским «Донским рассказам», тоже был показан в Москве — в Государственном концертном зале «Россия».

А как не сказать о спектакле «Тихий Дон», удостоенном Государственной премии РСФСР имени К. С. Станиславского? Жаль, что сегодня его уже нет в репертуаре театра имени М. Горького, но у всех нас в памяти замечательные актерские свершения А. Ливанова и П. Морозенко (Григорий Мелехов), Л. Лымарь (Аксинья), Е. Серовой (Наталья), М. Бушнова (Прохор), П. Лободы (Мелехов-старший), В. Шатуновского (старик Коршунов)...

Во всех ростовских театрах идет настойчивый и плодотворный поиск в сложнейшем мире шолоховской прозы. Долголетней оказалась сценическая жизнь спектакля «Нахаленок» в театре юного зрителя. Только что завершена работа над «Судьбой человека» в театре имени М. Горького. Артисты литературного театра филармонии репетируют сценическую композицию «Дед Щукарь». Значит, летопись шолоховских спектаклей на донской земле будет продолжена.

Ю. НЕМИРОВ.
Театровед.

Произведения Михаила Александровича Шолохова пользуются у школьников огромной популярностью. В эти дни спрос на них особенно велик. Вот и эти ребята — Миша Бедин, Света Осипова и Таня Лапунова пришли в юношескую библиотеку имени А. Бельгина, чтобы получить книги великого писателя. Выдает их библиотекарь Эмма Хачикян.

Фото Ю. Беловолова.

● *Шолохов и музыка*

НЕИСЧЕРПАЕМАЯ ТЕМА

«Степан, покачиваясь на возу, тянет старинную песню, тягуче тоскливую, как одичавший в безлюдье, заросший подорожником степной шлях. Аксинья, уложив голову на выпуклые полукружья мужниной груди, вторит. Кони тянут скрипучую мажару, качают дышло. Хуторские старики издалека следят за песней...»

Так пишет М. А. Шолохов о родной и бесконечно близкой ему казачьей песне.

В его творчестве можно найти много замечательных примеров обращения к донскому фольклору. Листая страницы произведений великого писателя, мы слышим и многоголосные казачьи хоры, и удалые походные песни, и горестные причеты...

Доктор философских наук В. В. Гура в своей недавно вышедшей монографии «Как создавался «Тихий Дон» отмечает: «Чаще других жанров используются в «Тихом Доне» самые разнообразные казачьи песни. Их в романе целая поэма, около четырехсот строк. Значительно большая половина этих строк — в первых двух книгах, где песня как бы сопровождает жизнь казака, начиная с бесхитростного колыбельного речитатива («Колода-дуда, где ж ты была?»), с пронзительной детской веснянки («Дождюк, дождюк, припусти»). «Ревут песни» на игрищах, «заводят» и «играют» их во время праздников и после трудового дня...».

Шолохов мастерски передает все нюансы казачьей песни, процесс ее «игры», атмосферу народного музицирования, настроение исполнителей и слушателей. Песня не просто «окаймляет» события, а дает нам возможность лучше понять и прочувствовать самые глубины народной жизни.

Язык писателя порой звучит, как музыка: то величаво и торжественно, то лирически мягко и задушевно, то с шутливой, то с какой-то удало-размашистой интонацией. В этом сказывается великий талант художника, сумевшего всем своим существом воспринять музыкальный лад народного творчества, которое он бережно собирал и изучал.

Внутренняя напевность шолоховской прозы — «на слуху» у всех почитателей его таланта. Если добавить к этому эпохальный размах событий, неповторимость человеческих характеров, многогранность человеческих судеб, то станет понятным, почему произведения нашего великого земляка привлекают внимание композиторов, тяготеющих к крупной музыкальной форме.

Одна из первых попыток переложить на музыку романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина» принадлежит И. И. Дзержинскому. В 30-е годы тогда еще молодой композитор, студент Ленинградской консерватории, создал оперу «Тихий Дон». Ее сюжет, в основу которого легли отдельные эпизоды первых двух книг романа, значительно отличался от первоисточника, став более прямолинейным и эскизным. Это, естественно, не могло не сказаться на характеристике главных героев. Не был использован в опере «богатый фольклор, чудесные «казачьи песни», о чем писал Шолохов.

Вместе с тем молодой композитор создал первую советскую оперу на революционную тему, и в этом его несомненная заслуга.

Вскоре на сценах Ленинграда, Москвы и других городов страны была поставлена еще одна опера Дзержинского — «Поднятая целина». Присутствовавший на московской премьере Шолохов отмечал: «Я считаю, что «Поднятая целина» больше удалась Дзержинскому, чем «Тихий Дон». В новой опере он выступает, по-моему, более зрелым композитором. Музыкальные характеристики основных персонажей — Лушки, Давыдова, Нагульнова, сохраненные в либретто, очень выразительны».

Эта оценка вдохновила композитора на создание оперного спектакля «Судьба человека» по одноименному рассказу писателя. А в 1967 году появилась новая редакция «Тихого Дона», по существу новая опера — «Григорий Мелехов», работая над которой, композитор учел многие замечания Шолохова.

Глубина и истинная народность шолоховской мысли привлекли и композитора Д. Д. Шостаковича. Во время первого фестиваля «Донская музыкальная весна», встретившись с Шолоховым, он решил написать оперу «Тихий Дон». Писатель пригласил композитора посетить донские хутора и станицы — те места, где происходили события, описанные в романе, встретиться с казаками, послушать в их исполнении старинные и современные казачьи песни. К сожалению, Шостакович не успел осуществить этот замысел.

Произведения Шолохова продолжают оставаться источником вдохновения для многих композиторов.

По «Поднятой целине» создана опера «Варина любовь» М. Магиденко, по «Судьбе человека» — симфоническая поэма А. Николаева, этим же рассказом навеяна 2-я симфония Д. Тер-Татевосяна.

Шолоховская тема неисчерпаема для музыкального искусства, к ней еще не раз будут обращаться художники нашего времени.

Л. КОЛЬВАХ.
Музыковед.

182